

Лошадиная фамилия — текст 1 из 2

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но всё это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние жена, дети, прислуга, даже поваренок Петька предлагали каждый свое средство. Между прочим и приказчик Булдеева Иван Евсеич пришел к нему и посоветовал полечиться заговором.

Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, сказал он, лет десять назад служил акцизный Яков Васильич. Заговаривал зубы первый сорт. Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет и как рукой! Сила ему такая дадена...

Где же он теперь?

А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Тамошних, саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... у раба божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлете.

Ерунда! Шарлатанство!

А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин! Пошли, Алеша! взмолилась генеральша. Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отваяются от этого.

Ну, ладно, согласился Булдеев. Тут не только что к акцизному, но и к чёрту депешу пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живет? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

Его в Саратове каждая собака знает, сказал приказчик. Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

Ну?

Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!..

Васильичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил...

Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

Ну, что же? Скорей думай!

Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая из головы вышибло...

Жеребятников?

Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев...

Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкпн... Всё не то!

Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

Коренников? спросила генеральша.

Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

Так зачем же, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? рассердился генерал. Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

Ой, батюшки! вопил он. Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

Вспомнил? спросил генерал.

Никак нет, ваше превосходительство.

Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

Табунов? спрашивали у него. Копытин? Жеребовский?

Никак нет, отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух. Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

Папа! кричали из детской. Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном

Евсеичем стали ходить целыми толпами...

Гнедов! говорили ему. Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия всё еще не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

Не Меринов ли? спросил он плачущим голосом.

Нет, не Меринов, ваше превосходительство, ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

Да может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

Пускай рвет! решил он. Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав свое дело и получив, что следует, за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряженны, мучительны...

Буланов... Чересседельников... бормотал он. Засупонин... Лошадский...

Иван Евсеич! обратился к нему доктор. Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овес, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

Надумал, ваше превосходительство! закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. Надумал, дай бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

На-кося! сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша. Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! На-кося!